

18+

Юрий Тамистов

Ангел Горный Хрусталь

Избранное

Юрий Тамистов

Ангел Горный
Хрусталь. Избранное

«Издательские решения»

Тамистов Ю.

Ангел Горный Хрусталь. Избранное / Ю. Тамистов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538883-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Избранное — дикий букет, не тронутый жёсткой
рукой флориста: проза, поэзия, философия, эссе... Вы любите полевые
цветы, поющее разнотравье? Останавливают ли вас жёлтые огни зверобоя
и колючий шарм полевого синеголовника? Кружит ли голову ароматами
восторга душистый горошек и трезвит ли терпкость вкуса горькой полыни? О
чём размышляете, когда ветер гонит мимо вас рыжеющий шар перекати-поля?

ISBN 978-5-00-538883-4

© Тамистов Ю.
© Издательские решения

Содержание

Ангел Горный Хрусталь	6
Прелюдия	7
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвёртая	18
Pause	19
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Глава седьмая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ангел Горный Хрусталь Избранное

Юрий Тамистов

© Юрий Тамистов, 2025

ISBN 978-5-0053-8883-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангел Горный Хрусталь

*Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она – бесстыдно упоительна
И унизительно горда.*

А. Блок

Прелюдия

Глубокой летней ночью стальная змея скорого поезда «Москва- Владивосток» с грохотом и лязгом неслась по Русской равнине. Все окна были темны, светилось лишь одно и, бесшумно летящий рядом незримый ангел смотрел в него и видел, как в купе, за маленьким столиком сервированным в традиционном железнодорожном стиле пустой бутылкой «Мартини», коробкой конфет и стаканами давно выпитого чая, сидели и разговаривали двое.

Один из них был я.

Свежий ветер через приоткрытое окно зло трепал занавеску, гоняя по углам табачный дым, монотонно стучали колеса.

– Знаете, – задумчиво произнес мой собеседник и я отложил в сторону недокуренную сигарету, – полная свобода – это ненужность, неприкаянность, пустота. Тоска и скука. Как игра без правил бессмысленна, как бессмысленна сладкая, ничем не ограниченная в вечности жизнь, так и свобода. Философы гонятся за ней нелепо и безнадежно, как собака за своим хвостом. Напрасный труд... Кстати, как вы к ним относитесь?

– К философам?

– Да.

– Пошли они ко всем чертям!

– Бог мой! Так далеко!?! Святой Григорий Палама, моли небеса облегчить участь этих несчастных ведь, что ни говори, жизнь без свободы – ничто.

– Свобода и неразрешимое противоречие формальной логики: шумит ли лес, когда его никто не слышит?

– Ого, Саша, вы меня приятно удивили! Вижу разговор у нас начинается серьезный, но а *posteriori* – исходя из опыта, одна ласточка не делает весны, поэтому... ап!

Профессор достал из кейса бутылочку безупречного «Шато Лафит» и уверенным движением наполнил стаканы:

– Моя очередь угощать.

Подарок виноделов из Бордо оказался как нельзя кстати. Его благородство, нежный вкус, изысканная красота букета совершили невозможное и едва сдерживающая докучную зевоту, совсем уже собравшаяся покинуть нас муза Дорожных Разговоров благосклонно осталась.

– Чудное вино, Саша, но те невероятные события, произошедшие со мной однажды, о которых и хочу поведать вам, стократ чудесней. Если есть желание слушать, то, пожалуй, начну эту историю с назидания одной замечательной восточной притчей; иной раз нет-нет да и начинаю с нее в преамбуле лекции своим студентам. Пусть и нам она послужит камертоном к дальнейшему. Итак, представьте – в давние стародавние времена на севере Индии, в окрестностях царственно своенравной Брахмапутры, когда предвечернею порой, на излете долгого дня раскаленное солнце медленно, нехотя опускалось за острые пики Гималаев, в который уж раз собираясь растопить дерзко сверкающий лед их вершин, а листья изнуренные дневной жарой падали на землю, вот тогда и взял Будда в руку горсть сухих листьев и спросил своего любимого ученика Ананду, есть ли еще листья кроме тех, что у него в руке. Отвечал ему Ананда: «Осенние листья падают повсюду, и их не счесть». И сказал Будда: «Вот так и я дал вам малую горсть истин, но кроме них есть неисчислимое множество других истин, и их тоже не счесть».

– Э, Николай Иванович, издалека подходите, – я поудобней устроился на полке. – История то, видно, не проста?

– Простое... сложное... Что есть дальнее, что есть ближнее? Разве все так однозначно? Где мерило их? Как приблизив одно не упустить другое?

– Легко! Поменьше думать и... побольше наливать?

– И-и-и, золотце мое, – профессор предостерегающе покачал пальцем, – существует единственная возможность узнать историю до конца – не перебивать!

– Согласен.

– Тогда продолжим, *ab imopectore* – с полной искренностью, от души, не боясь насмешек и злословия. Потаенное – случайному попутчику. Кому ж еще? Печаль сердца моего – матушка Русь! Есть ли еще под небом такие края, где вагонные откровения вместо исповеди.

Глава первая

МУЗЕЙ

Чуть задев своим крылом город, веселая июньская гроза, громохвая и сверкая, умчалась за реку, на заливные луга. Я сидел на открытой площадке нижегородского бара «Tiffani», над Волжским откосом, наслаждаясь свежестью и неизменным утренним кофе. Последние грозовые флюиды прозрачными искрами носились в воздухе и еле уловимый запах электричества обволакивал всё вокруг будоражающим воображение романтическим флером. Часы показывали девять тридцать, а мне было тогда двадцать пять.

День начинался превосходно и городскую сюиту ничуть не портила излишне громкая, на мой взгляд, беседа двух посетителей за столиком напротив. Лицо человека в старомодном черном сюртуке, сидящего ко мне спиной, я не разглядел, а вот другой: с чертами восточного мудреца, длинной, седой бородой, раздваивающейся книзу, в нелепого покроя рубахе навыпуск и не к месту надетой круглой, бордовой шапочке – показался знакомым... странно знакомым.

– Если мы заглянем в среду людей обеспеченных, образованных, то здесь точно также мы увидим картину упадка, принижения умственных интересов и всеобщего измельчания личности, – быстро и убежденно, тоном преподавателя, внушающим азы науки школярам, говорил тот, кто сидел ко мне спиной. – Все чаще начинает встречаться тип человека, поглощенного всецело денежными делами: в погоне за наживой он не знает покоя, он стыдится отдыха, испытывает угрызение совести, когда мысль отвлекает его от текущих забот дня. Страх перед бездельем, непрерывная тревога накопления богатств и заботы о хлебе насущном грозят убить всякое образование и высший вкус. Мы постепенно утрачиваем чувство формы, чутье к мелодии и ко всему прекрасному. В отношениях между людьми господствует деловитость и рассудочная ясность; мы разучились радоваться жизни; мы считаем за добродетель «сделать возможно больше в возможно меньшее время». Когда мы тратим время на прогулку, беседу с друзьями или на наслаждение искусством, мы уже считаем нужным оправдаться «необходимостью отдыха» или «потребностями гигиены». Скоро самая склонность к созерцательной жизни войдет в презрение.

– Да, жаль, люди в большинстве своем молятся о материальном, отвергая мир Духа. Как можно преуспеть, если огонь горит, но глаз обращен в темноту? – отвечал другой. – Однако, Фридрих, ты повторяешь давно сказанное тобой. Мне всегда казалось, что созерцание для тебя скорее недостаток, чем достоинство. «Склонность к созерцанию» – словосочетание более близко Востоку, а ты не слишком благоволишь его культуре.

– Вовсе нет! В восточной культуре есть люди, вещи и речи такого высокого стиля, что Европе, которой хотелось бы непременно выглядеть перед Азией в значении «прогресса человека», нечего сопоставить с ней.

– ...для Запада же созерцание скорее «склонность к безделью», развлечению.

– Развлечению... Конечно, развлечению! – названный Фридрихом, в подражание шпехшталмейстеру, манерно повёл руками. – Этот век, более чем минувший, задался целью во что бы то ни стало сделать человека как можно более полезным; для этого нужно прежде всего наградить его добродетелями непогрешимой машины: он должен выше всего ценить минуты «максимально полезного труда». Главным камнем преткновения и, я бы даже сказал – опасностью, при этом служит, конечно, скука, связанная с подобного рода деятельностью. *Gaudeamus igitur!* А вот и оно, старое лекарство от неё – фантазмагория пустых игрищ, эфемерных целей и чем более лживых, тем более желанных смыслов, а к ним индустрия, готовая их создавать и, конечно, тут же продавать. Два тысячелетия назад она забавляла свободных

граждан Рима бойней зверей и гладиаторов – теперь «интеллектуальный плебс» у экрана монитора тешиться новым товаром: видами разбившихся авиалайнеров, плачущих, растерзанных катастрофами людей, фильмами, где убивают легко и красиво; и, о чудо технологий, в режиме реального времени, открывая упаковку поп-корна, в позе «глубокомысленного сожаления» следит за перипетиями войны, как женщины и дети гибнут под разрывами бомб.

Говорящий опустил голову, в воздухе повисла тягостная пауза. Ветерок занес на террасу шум утреннего города и приветственные гудки теплоходов с Волжского фарватера.

Я с интересом ожидал продолжения диалога.

– Cui prodest? – в голосе Фридриха зазвучали боль и сарказм. – А что, друже, давай-ка вместе выразим восхищение и скажем браво от лица зрителей и жиреющих на том торговцев всем и вся, от имени самодовольных подлецов, строящих подобным образом свою власть, апологетам квазиискусства да творцам самого великого и самого продаваемого шоу под названием смерть!

Он вдруг так хватил ладонью по столу, что я от неожиданности подскочил на стуле. Зазвела посуда.

– Тише, тише! – взволновался сосед. – На нас уже все смотрят.

– Прости, Николай. Нервы до сих пор не в порядке. Идем же, покажешь свои картины. В конце концов мы здесь именно за этим.

Они поспешно вышли из кафе и двинулись в сторону художественного музея. Что заставило меня увязаться за ними? Манкое и требовательное влечение тайны, которую должно разгадать? Магнетизм? Так или иначе, но я следовал за незнакомцами почти вплотную с бесстыдным любопытством вслушиваясь в каждое их слово.

– ...за возрождением Красоты можно различить Единый Лик, в простейшем виде явленный под крыльями Красоты.

– Добавишь, как она спасает мир и меня разорвет от смеха! Пу-фф!

– Неуместная ирония, Фридрих. Я говорил – сознание красоты спасет мир.

– Сознание или его бледная проекция с привычкой цепляться за лишние основания эфемерные конструкции? Но где же тут ирония, хотя всё человеческое заслуживает с точки зрения своего возникновения иронического рассмотрения? Надеешься убедить меня, что люди боготворят красоту: красивые машины, яхты, дома, мебель, одежду, красивый банковский счет с длинной вереницей цифр? Да, жители ущелий и болотистых низин тянутся вверх, к прекрасному, не жалея ни ближнего, ни сил. Так чего жаждем мы, созерцая красоту? Много счастья?

– Полагаю, твоё речение – увертюра к ошеломляющим выводам?

– Каким? Что льва узнаем по когтям, а осла – по ушам?

– И все же?

– Каких выводов ты ждешь? О том, что вышесказанное недостойно великих сердец? Что сумерки разума порождают уродливую мораль со столь же уродливым истолкованием феноменов? Или о суровой красоте войны и битвы ненавистной трусливому сердцу земляных блох?

– Зачем преувеличивать темное? Благословенны препятствия, ведь ими растём.

– Поверь, Николай, иногда выгодно слишком плохо думать о мире, превозносить ошибки и недостатки других людей, чтобы затуманить и обмануть совесть, и таким образом потерять из виду себя.

– Хитросплетения мудрые, а отчего бы, в итоге, не признать, что апостол сказав: «Отложите ветхого человека... облекитесь в нового» вдохновил тебя написать: «Человек есть нечто, что должно преодолеть».

– Невероятно смелая параллель. Как я сам не догадался?

– Поэтому и говорю: из россыпи мнений отберем все лучшее и утвердим. Чистая мысль, напитанная красотой, укажет путь к истине.

– Скучно и напыщенно. Полагаешь, мы хотим истины более чем лжи? К тому же личная польза какого-либо мнения не доказывает его истинность, а убеждения суть более опасные враги истины, чем ложь.

Обладатель бордовой шапочки промолчал.

– Высокий дух живет в горах и в твоих работах. Ты отличный художник – Мастер гор, но твоя морализаторская литература... не так хороша. Прости, ты мне друг, но истина дороже. Не обиделся? Временами шутки гениев несносны.

Фридрих добродушно рассмеялся и примирительно обнял Николая за плечи.

– В твоей манере нарочито огрублять проблемы, – сказал тот.

– Конечно. Не на суетной улице посреди толчеи скользить по утонченностям. Да уже и пришли.

И они скрылись за дверьми музея.

В некоем смятении я остановился у входа. «Эй, что происходит? Какого рожна ты потащился за этими чудаками? Сдавай-ка, парень, назад!» – дал дельный совет разум, но поздно – ноги уже торопливо несли меня по музейным галереям к залу с экспозицией картин Рериха, куда вошли эти два прелюбопытных приятеля.

«Ну, mein lieber Freund, показывай, где тут твой Майтрейя?» – ещё не растаяли звуки, как я с несвойственной мне наглой решимостью авантюриста и глуповатым видом ворвался в... пустой зал и остановился озадаченный – лишь сияющие яркими красками горы с картин, обступали меня со всех сторон.

Обожаю живопись и не раз посещал эту экспозицию. Вот и знакомое мне полотно «Шёпоты пустыни», о котором упоминал в своей курсовой работе. Тёмно-синие громады Гималаев в объятьях сумерек. Караванчики собрались у костра. Дружеские разговоры, сказания, мечты о лучшем, а на переднем плане, на тёмном силуэте шатра красный всадник Ригден Джаппо – вестник желанных перемен...

Но сейчас какое мне было дело до картинных сюжетов! Куда подевались два незнакомца? С досадой и, пожалуй, с обидой обманутого в ожиданиях простачка, я собрался уходить, как вдруг от сильного толчка пол подо мной вздрогнул и заходил ходуном, словно тот, напугавший до ужаса, зыбун на Боровском болоте. По керамической плитке скрежеща поползли трещины к стенам и не успев нервно охнуть я с грохотом провалился и полетел вниз. Тугая струя воздуха с силой ударила в открытый рот, перехватило дыхание и разом исчезли все звуки и видения.

Глава вторая

НОЧЬ В ГИМАЛАЯХ

Цан, цан, цан – однообразно звенит где-то рядом колокольчик.

Цан, цан, цан – звук всё ближе, ближе и вот он уже настойчиво гремит надо мной вместе с тихим, как бы молитвенным пением мужских голосов.

«Ринпоче, он пришёл в себя» – словно сквозь сон различаю слова и приоткрываю глаза, но просыпаюсь ли? Я лежу на топчане в полутёмной комнате, слабо освещаемой масляными светильниками. Кажется, что тибетские монахи стоят поодаль в бордовых одеждах, коротко стриженные, а в шаге от меня старший из них, возможно, лама?

– Да, называй меня ламой, – говорит он. – Норбу, принёс отвар? Дай сюда. Пей, – и, подавая мне пиалу, делает знак, чтоб остальные ушли.

Поднимаюсь и сажусь на краю топчана. Отвар горчит полынью.

– Лама, это музей?

– О чём ты? Монахи нашли тебя утром на дне ущелья.

– Лама, это сон?

– Сон... понимаю...

Он берет меня за руку чуть ниже локтя и крепко надавливает большим пальцем. Я сгибаюсь от сильнейшей боли, но дрожь, волнами сотрясающая меня, исчезает совершенно.

– Ну, вот, уже и никакой паники. Так? Прекрасно! Радуйся – тебе неслыханно повезло, странник, но не время объяснений. Прими случившееся, как очевидное, и не ломай напрасно свою голову над недоступным осознанию либо неведение запутает твой ум. Ты здесь и сейчас! Выйди лучше на террасу, вдохни чистоту и волшебство высокогорья, проникнись духом Гималаев, величием Обители Снегов. Приглядишься, вон там зеленоглазые дакини прячутся в вершинах елей. Если повезёт, то одна из них опустится к тебе, раскроет суть закрытых учений, которыми ты слишком упорно интересуешься в последнее время.

– Откуда вы знаете и почему слишком?

– Откуда... – лама по-доброму усмехается, – иначе не попал бы сюда. А слишком, оттого что определённый род любопытства имеет грань, за которой должно или встать на путь благородных стремлений, правильных дел, правильных практик, или ввергнуться в рискованные игры над бездной. Дам совет: ни к чему тебе чужая дхарма – живи своей. Драгоценная жемчужина рядом, а ищешь далеко и не там. Впрочем, на сегодня довольно с тебя – забудь страх, отдыхай, не сожалей ни о чём и не содрогайся о предстоящем. Завтра придёт с востока новый день и проснёшься другим. Или, может, хочешь остаться с нами?

– Нет! – торопливо возражаю я.

– Что ж, верный выбор. Прибавлю напоследок: отринь омрачённость суетой, ведь, истинно, нет ничего недостигнутого и того, что можно достигнуть – так дозволяй потоку Жизни струить свои воды в тебе привольно и широко. Человек не так уж ничтожен и мал. Он занимает огромное пространство – до звёзд – насколько видит, насколько чувствует, насколько мыслит, но тот, кто нашёл прямой путь за пределы ума, чувств и желаний ничем не ограничен. Даруй мир, свет и благополучие всем живым существам и тебе сбудется, странник!

С этими словами он выходит из кельи. Густое, горячее монастырское снадобье переполняет меня благодатным бездумьем и нет желания уточнять и размышлять, что со мной и каким это другим я проснусь завтра. Следую совету монаха – закутавшись в шерстяной плед, выхожу на верхнюю террасу обители и, покорённый торжественной монументальностью гор, сижу там

на деревянном табурете, прислонившись к стене, смотрю вдаль беспечно и вяло, пока чувственные образы не начинают тускнеть и прятаться за завесу отяжелевших век.

Где-то спит Кхумбу. Спит гордая красавица Ама-Даблам. Безмолвны темные вершины Гималаев. Лишь изредка колючий, стремительный ночной ветер срывается с них, обрывает листья в священных рощах Лумбини и, когда пламя в бронзовом светильнике начинает беспомощно и испуганно метаться, и трепетать, Снежный Лев шепчет мне:

– Ты говоришь ночь, но это не ночь, вот это ты и называешь ночью.

По влажным листьям рододендронов скользит лунный свет. Серебряный туман клубится и ползет сквозь запахи сосны и можжевельника.

Камни.

Шорохи в траве..

Тревожный крик птицы.

Томление духа – удел темноты.

Неясный силуэт ступы на фоне звезд.

Слышишь?

Тает звук шагов на сокровенной горной тропе.

Вниз, в затихающие долины спускается невидимый в сумерках бодхисаттва Манджушри, читая мантры, поправляя по пути придорожные камни, вращая моленные барабаны. То пропадает вдали, то доносится вновь красивый голос Владыки Ясного Слова.

Спят паломники в Бодх-Гае,

а от древнего Махабодхи

к парящему в облаках Толингу,

огромному Пелкор Чёде

и пречистому лотосу Пемаянгзе;

от Жунбу и Ташидинга

к собравшему все счастье и благополучие Ташилунпо;

через серые земли Сакья

к дремлющему у Брахмапутры Самье;

– катится великое Колесо Учения все дальше и дальше, обгоняя неторопливую череду веков...

Бодрствуют молодые адепты у магических знаков на седом граните, ждут – вдруг раздается приближающийся цокот копыт и, обдав горячим дыханием мечты, дивный, белый Химават с сияющим на спине даром Ориона – огненным камнем Чинтамани, Сокровищем Мира промчится мимо.

Когда же, наконец, смолкает все вокруг, гаснет свеча и последняя травинка перестает дрожать, явственно слышу – горный хрусталь начинает говорить и Ночь нашептывает мне:

– Не спи, иди к свету.

Она торопливо проходит мимо. Все дальше и дальше на запад, вслед за заходящим солнцем в надежде увидеть его.

Слышишь?

Тихо плачет ночь.

На серых скалах капли росы.

Слезы светлой печали неразделенной любви.

Кто познал ее душу? Разе она так же темна, как и лицо?

Видишь?

Высоко летят черные птицы ночи. Нет, они не тронут тебя.

Есть ли хоть кто-нибудь кому они сделали плохо?

Там, далеко владения счастливого Света.

Но мрака зависти нет.

Веришь?

Мириады звезд над Джомолунгмой, застывшими ледниками Лхоцзе, безмятежностью вод Тиличо, Бангонг-Цо, над всевидящими и загадочными глазами Боднатха невозмутимо взирающими на бестолково кружащийся в сансаре мир.

Мерцает Бетельгейзе над опустевшим шоссе через Таглунг. Колышутся священные тексты на Лунгта – по горным перевалам, под флагами пяти стихий без усталости скачут Кони Ветра вдогонку за ускользающей от людей удачей.

Глава третья

ДЖИДДУ

Старинный потолочный вентилятор напрасно гонял перегретый воздух в тесной каморке, где я только что проснулся и где едва уместился жёсткий топчан, на котором провёл ночь. В высоко расположенное и узенькое окошко-бойницу заглядывало солнце и, судя по всему, день пребывал уже в самом разгаре. Помещение не походило на вчерашнюю монастырскую келью, но меня это не беспокоило. Лама приказал для моего же блага принимать без излишних эмоций всякую новую данность. Я собрался, до хруста в пальцах сжав кулаки, как на тренировке с силой выдохнул: «Ху-у!» – и, открыв дверь, решительно вышел в коридор, где чуть не столкнулся с двумя идущими навстречу женщинами в красивых сари, с именными табличками сотрудников на груди.

– Это-о...

– Индия, штат Карнатака, – подсказала мне одна из них. – Тут Ашрам Небесного Милосердия, а там, – она указала рукой в сторону выхода, – Аравийское море. Вам нужна помощь?

– Всё в порядке, – пробормотал я.

– Вы, тем не менее, поосторожней с медитациями, не переусердствуйте, – сказала другая. – Меньше проводите время на открытом солнце, больше пейте. Кстати, я не припоминаю вас. Вы новичок?

Я изрёк нечто невнятное и проскользнул мимо них к выходу.

Просторный двор ашрама произвёл на меня впечатление великолепием ландшафтных композиций и царственным разнообразием цветов. Я без цели бродил по нему, разглядывая скульптуры мифологических героев и остановился около скамейки; на ней расположились девушка и седой старик, на лице которого невольно задержался мой взгляд из-за ярко выраженного, пронзительного сострадания в его больших глазах. Старик подозвал меня и пригласил сесть рядом.

– Намастэ, молодой человек, – он сделал приветственный жест. – Да пребывает удача в ваших делах! Вы европеец?

– Из России...

– Что привело вас в наши края? Ветер странствий или сказки тысяча и одной ночи? Сокровища Агры? Приключений или просветления ищет здесь белый сахиб?

– Путешествую.

– Путешествие... звучит немного старомодно, зато серьезно. Похоже вы не из когорты снующих по Индостану туристов, желающих за две недели познать мою страну.

– У меня особый случай. Как-то в детстве прочитал, что среди вершин пятиглавой Канченджанги расположен вход в легендарную Шамбалу.

– О, Канченджанга... пять сокровищ снегов...

– Да. С тех пор увлекся востоком. Всегда мечтал побывать здесь, прикоснуться к истокам индийской мысли и лучше понять глубину ее истин, идеалов.

– У нас тут скорее юг, чем восток, впрочем дело не в том, чтобы понять мысль другого, а в том, чтобы самому найти истину. Истина не есть мнение, она не определяется лидером или наставником. Прислушивание к мнениям лишь препятствует постижению истины. Либо идеальное есть нами же созданная фикция, которая включает в себе свою противоположность, либо нет. Иного не дано. Истине не научит никакой наставник; человек должен постичь ее сам.

Фраза прозвучала на удивление красиво и я догадался – собеседник личность неординарная.

– Отчасти согласен с вами. Но все-таки хороший учитель необходим – кто передаст древние знания ведущие человека к обретению счастья?

Мои корявые откровения позабавили старика.

– Приобрести счастье? Хорошо, – он удовлетворенно закивал головой. – Забавный алогизм. Допускаю, у вас он получился случайно, хотя большинство принимают его буквально. Но, счастье не есть самоцель. Купленное счастье приносит лишь удовлетворение, добытое усилием – радостное возбуждение, и, поскольку радость быстро проходит, возникает стремление добиваться все большего счастья. И до тех пор пока средство достижения счастья будет заключено в словах «все больше», результат будет приводить к разочарованию, конфликту. Счастье не есть воспоминание о покупке, это – состояние, рождающееся совместно с истиной.

– Все же роль наставника велика, – ещё раз повторил я очевидное. – нужно ведь научить, как освободить ум от случайного, ложного, указать правильный путь, метод?

– Позвольте, вы постоянно мыслите категориями методов и способов? Мышление всегда обусловлено; свободы мысли не существует. Вы можете думать все, что пожелаете, но ваши мысли всегда будут заключены в какие-то пределы и их не остановить ни практикой какого-то ни было метода, ни каким-либо усилием. Сознание свободно лишь тогда, когда оно не попало в сети мысли, сплетенные его собственной активностью. Когда сознание действительно не скованно, возникает его истинная форма – любовь. А так оно заключено в темницу, построенную им самим, из собственных желаний и усилий; любое его движение ограничено пределами этой темницы, однако оно об этом...

Завершить мысль не дали. К нам подошёл долговязый парень и наклонившись к девушке что-то сказал ей.

– Прости, Джидду, – тут же перебила она старика, – невыносимая духота! Мы с Ральфом сходим к морю, немного поплаваем, а ты скучать не будешь – твой новый друг похоже готов слушать тебя бесконечно, в отличии от меня.

Старику ее затея не понравилась

– Господин Робинсон должен подъехать с минуты на минуту, а вас не будет, – забеспокоился он. – Ты вполне осведомлена, как ему претят ожидания.

– Ну, Джи-и-идду, миленький, только на полчаса, – не отступала девушка, как ребёнок, капризно поджимая губы, – иначе я погибну от жары! Ведь ты этого не хочешь?

– А... знаешь же, что не хочу. Идите. Умеешь уговаривать. Но прошу, полчаса, не более, – покорился старик. – Элен – племянница старого друга из Бостона, – обратился он ко мне проводив взглядом молодую пару, – тоже без ума от Индии. Медитации, тантра и чудесные сиддхи, заповеданные тайны духовных учений – эти неодолимые чары Южной Азии. В голове – справочник по божествам индуистского пантеона. Видели бы её комнату – не отличить от лавки сувениров в Бомбее.

– Вы сами, похоже, не слишком религиозны? – заметил я.

– Возможно. А откуда у вас эта приверженность личностям или идеям? Как часто они обращают одного человека против другого, да и неверно сформулированное идеальное, зачастую, всего лишь прекрасный, респектабельный побег от реальности. Хотя, уж лучше в меру любить прекрасные иллюзии, чем не к добру уготованный револьвер в кармане... а вот посмотрите, что к доброму – наконец и долгожданная делегация джайнов прибыла из Удайпура. Не близкая путь-дорога от пустыни Тар до Малабарского берега. Вы не бывали в Раджастане?

– Не доводилось.

– Тогда советую романтикам: светлый город Удайпур в сердце пламенеющих песков, рядом в Ришабхдео храм Кесарияджи – замечательные места!

Я взглянул на идущую от ворот ашрама по направлению к главному корпусу группу одетых в белое монахов. Метёлки, марлевые повязки на лицах, осторожная, летящая над землёй

походка – такими адептов Джины Махавиры мне и рисовало воображение после прочитанных книг.

– А мы через час отбываем в священный город Вриндаван. Легендарная родина Кришны. Говорят европейцев там сейчас больше, чем индийцев, – с лёгкой иронией продолжил разговор старик. – Элен и Ральф решили, что лучшего места для свадьбы не найти. Разумеется, без скандала с родителями не обошлось, но они настояли на своём. А вы, молодой человек, женаты?

– Нет. Но собираюсь, кажется...

Уверенности в ответе не прозвучало и откуда ей было взяться. Мои колебания не остались не замеченными. Старик внезапно оживился, его поблекшие под немилосердным солнцем глаза опять заблестели.

– Сомневаетесь? И не напрасно! – он энергично повернулся ко мне и немного придвинулся. – С вашего разрешения я объясню. Смотрите, – старик сложил пальцы так, если бы держал волейбольный мяч. – Вы тоже рассматриваете брак, как основу для образования семьи? Тогда пусть будет для вас несомненно – использовать другого, чтобы удовлетворить свои желания и обезопасить себя, – не значит любить. В любви не возникает желания обезопасить себя; любовь – состояние уязвимости, единственное, при котором невозможна отчужденность, вражда и ненависть. На основе такой любви может быть образована семья, которая не будет замкнута на себе и обособлена от всего остального.

Собеседник замолчал, откинулся на спинку скамейки и по прикрытым векам и мечтательной полуулыбке стало ясно – разговор окончен.

Я поднялся и пошел к выходу из ашрама и почти уже миновал старинные, кованые ворота, когда к ним стремительно подкатил издававший виды «Мустанг» неопределенного цвета. От резкого торможения он уткнулся носом в землю, облако бурой пыли наконец-то настигло и злобно накрыло его, дверца открылась и из машины выпорхнула Элен.

– Эй, едем! – радостно крикнула она, из-за ограды помахав рукой старику.

За ней вышел Ральф и, очевидно, господин Робинсон, грузный, краснолицый человек. Он обливался потом, с раздражением вытирая его со лба и шеи платком. Когда они поравнялись со мной, я спросил у девушки:

– Извини, Элен. Тот, кого вы называете Джидду – кто он?

– Как, ты не знаешь!? Это же Кришнамурти! Разве ты не читал его книг? – брови ее удивленно взлетели, она молитвенно соединила ладони и, устремив ввысь укоризненный взгляд, покачала головой. – Нет, о небо, он не знает!

Серьезности ей хватило не надолго, она тут же звонко рассмеялась: «О Маугли то хоть слышал?» – и побежала догонять своих спутников.

– Зато я читал Кама сутру и знаю, как «ночью достигается цель бытия»! – запоздало и невпопад выпалил я следом.

– Дурак! – не оборачиваясь парировала Элен.

Девичья насмешливая стрела не достала меня, а тропинка уже вела к морю.

Глава четвёртая

ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА

Аравийское море шумело и плескалось в десяти минутах ходьбы от ашрама.

С какой вестью спешат ко мне его волны?
О чем поют его белые птицы?
Зачем в глубинах теряются смыслы?
Зачем воленье его сокрыто?
И серебра зачем трепетанье?
И водных брызг кому бриллианты?

Я разулся и пошёл босиком вдоль кромки воды. Горячий песок обжигал ноги. У старенькой лодки с грязным, дырявым парусом вяло переругивались рыбаки. Летели облака, летели чайки и мысли мои летели гонимые полдненным бризом.

Идиллия закончилась внезапно. В один миг, объятые враждебной серостью, поблекли краски вокруг. Зло, по змеиному зашипел прибой и вода стала быстро отступать от берега. Резкий порыв ветра, едва не сбив с ног, с пренебрежением швырнул в лицо соленую пену. Испуганно закричали и побежали прочь от моря рыбаки, потому как ожесточённо вздыбаясь, с нарастающим жутким гулом катилась на город достающая до небес волна.

Не понимаю, каким образом, но ноги сами вынесли меня на прибрежный откос, и я влетел в первый же попавшийся на пути домик. Захлопнулась дверь, душа обреченно застыла, ожидая рокового удара. Но ничего не происходило. Рев страшной волны исчез. Было тихо, только пение птиц, стрекотание кузнечиков и где-то сзади нежный звук флейты, играющей необычную мелодию.

Я медленно обернулся и увидел – сияющий лазурью небосвод, беззаботно застывшие в вышине чуть розовые облака. У самого горизонта, в зыбком мареве сухого, знойного воздуха плыли громадины лилово-синих гор и волнующая, как праздничный наряд красавицы, вся в цветущих абрикосовых садах, холмистая долина простиралась неоглядным зеленым океаном. Каменистая дорога бежала меж холмов по бурой, точно обожженной пламенем печи гончара земле, исчезая в густых зарослях манго и баньяна.

Неподалёку, под кроной «золотого дерева», склонив голову к правому плечу, сидел молодой флейтист. Лучи солнца, пробиваясь сквозь листву, весело выводили на его тёмной коже световые узоры и чуть только легкий ветерок касался ветвей, прерывая покой их причудливых арабесок, пятна света, подобно застоявшимся в долгом ожидании танцорам, срывались в озорную круговерть неистовых плясок.

Деревенское стадо послушно стояло возле играющего пастушка. Зебу преданно смотрели на него большими, проникновенными глазами, очарованно вслушивались в голос флейты, покачивая в такт ей головами, позабыв о надоедливых мухах, траве...

Природа дышала благословенными ароматами весны, невинностью утра и таким пленительным умиротворением, что сладкая нега вдруг непреклонно и всецело сковала мое существо. Не хотелось двигаться, думать, казалось, нет большей улады, чем вот так просто стоять, вбирать в себя запахи цветов, прислушиваться к щебетаниям птиц, тихому говору колосков и, растворяясь в завораживающей красоте, бесконечно внимать волшебной флейте.

С трудом преодолев счастливое оцепенение я подошел к пастуху. Тот на мгновение прервал игру.

– Не спрашивай ни о чем, – глядя на вершины гор, предупредил он мой вопрос. – Мудрецы, зрящие истину, пришли к выводу, что несуществующее преходяще, а существующее неизменно. Ещё видят они, что твоя дорога свободна. Возвращайся домой с миром.

Его руки с длинными пальцами музыканта поднесли флейту к губам и она опять зазвучала.

Мне только и оставалось, как вернуться назад к маленькой хижине с оранжевыми стенами и крышей из пальмовых листьев. Влево от нее тянулась длинная череда таких же домов, утопающих в изумрудных акварелях тропической зелени. На деревенской улице, почти пустынной и скучной, еще инертной, не вполне освободившейся от томной утренней лени, вздымая пыль носились, как джины, невесть откуда возникающие вихри и лишь в самом дальнем конце ее дети бегали наперегонки с поросенком; женщина в голубом шла с корзиной на голове да две старухи, сидя скрестив ноги прямо на земле у стены дома, молчаливо глядели ей, как проходящей жизни, вслед.

Открыв дверь, я шагнул за порог в темноту, во множество поглотивших меня иллюзий. Их них память не сохранила ничего, кроме привидевшихся мне тонких, радужных паутинок, настойчиво и упорно тянущих в никуда, пахнувших то ли корицей, а может кардамоном, и также шумной ватаги небесных танцовщиц апсар, неожиданно явившихся из пустоты и подхвативших меня, увлекая ввысь, в умопомрачительное пиршество красок своего колдовского хоровода. Сколько лет минуло, но до сих пор отчетливо слышу их гортанные голоса, пение и веселый смех, вижу разлёты пышных, чёрных волос, блеск жемчугов, драгоценных камней, мерцание чудных очей и ниспадающих с плеч полупрозрачных нарядов. Помню упоительно-тревожащие, осторожные прикосновение к моему лицу и плечам одной из них – божественной девы неземной красоты и её призывающий возглас: «Оставь сомнения и следуй за мной!»

Я не успел протянуть ей руку. Вслед за противным звуком лопнувшей струны свет, до боли жгучий и резкий, обрушил вращение тьмы и ударил в глаза.

Pause

Профессор без объяснений прервал рассказ. Задумался. Между тем поезд стал замедлять ход и остановился в ночи на одном из бесчисленных российских полустанков. Наш вагон оказался напротив освещенного парой тусклых фонарей низкого, доживающего свой век вокзальчика прятанного от осеннего ненастья под кровлей из некогда красной черепицы. Осыпавшаяся кое-где по углам штукатурка, извечный скрип вдрызг раздолбанных дубовых дверей. Седой, погружённый в своё прошлое старик, без всякого интереса из-под каменных ресниц смотрел он на нас жёлтыми глазами зала ожидания

Зачем, скорый поезд, ты остановился здесь?

За слегка приоткрытым мною окном купе хозяйничал хлесткий осенний дождь успокаивая на перроне ветреную кутерьму опавших листьев. Капли барабанили по стеклу, змеились прозрачными струями стекая вниз. Я с наслаждением вдохнул в себя вместе с брызгами летучей влаги свежую прохладность воздуха, запахи N-ского городка и сырых полей.

– Погодка... в такую хороший хозяин собаку из дома не выгонит, – заметил мой визави. – Вот он, настоящий октябрьский декаданс, амальгама золотой поры увядания и этой старенькой архитектуры, но нам ли грустить?

Николай Иванович разлил по стаканам остатки французского вина:

– Хвала тебе, терпкое «Шато Лафит», что согреваешь в непогоду, за напоминание о далёкой Франции, о облаканных солнцем красных виноградниках Арля и Бордо! Merci beaucoup! – он приподнял стакан любуясь игрой гранатовых оттенков цвета. – Вам слышны нотки фиалки и миндаля? Кстати, о вине. Меня научил правильно радоваться ему давний приятель Гога Бре-

гвадзе, широкой души человек, а какой тамада, вах! Непревзойдённые, восхитительные тосты говорил он на дружеских застольях в «Цисквили»! Поэмы...

– Так, может, и вы чего произнесёте, Николай Иванович?

Я потянулся за своей порцией.

– Тост? Пожалуй, произнесу, – он слегка привстал, поправил очки, за серо-дымчатыми линзами которых мне никак не удавалось разгадать выражение его глаз:

– Полагаете, Саша, судьба ни с того, ни с сего, неведомо зачем или, попросту говоря, случайно свела нас в последний день октября? Если нет, то кто ведает сокровенные пути её? Кто минует её, если он уже здесь? Кто не запрашивает о ней, потому как знает – он и она одно? Так давайте дружно поднимем бокалы и выпьем за наш прекрасный и непостижимый мир, в котором ничего не начинается и ничего не заканчивается, где многое проходит, так и не начавшись, и где смерть придает прелесть застолью...

На первом же глотке я поперхнулся и неловко закашлялся. Профессор участливо похлопал меня по спине.

– Всё в порядке, генацвале? – спросил он с приятным кавказским акцентом. – Э, погоди, уважаемый – я еще не закончил...

Гудок тепловоза не дал ему договорить. Зябко кутаясь в мокрый плащ, полусонная дежурная по вокзалу на прощанье равнодушно махнула нам рукой. Состав вздрогнул, клацнул сцепками и тронулся в путь, оставляя позади навеявший воспоминания детства уголок провинциального захолустья. Размытые очертания обветшалого братства станционных стен, скованного холодной сыростью, мелькнули напоследок сюрреалистичным виденьем и растворились в темноте.

– Вот, вспомнилась молодость, – продолжил профессор, когда исчезли в ночи огни маленького городка. – Тогда, по общему мнению моих родных и близких свои двадцать два года я неожиданно оказался не столько обладателем, сколько пленником не самого лучшего хобби – увлечения философией и, естественно, благодаря её безмерному и бессистемному изучению, страдал от кажущейся собственной неполноценности, логического тупика несовершенной мысли, уязвлённой гордости раба, овцы, которую пасут, ничтожной значимости личности в чудовищном круговороте космических сил... и прочих подобных глупостей. Общем, цветущий весенний сад, изрядно напуганный лёгким утренним заморозком.

Такое чересчур затянувшееся, неприятное состояние юношеской мировоззренческой рефлексии не могло продолжаться бесконечно. Что-то должно было измениться. Это что-то ждало своего часа, чтобы измениться. И оно изменилось. Я написал об этом книгу. Но разве я один? Разве долгими вечерами над ней трудился я один и разве не трудились со мною вместе они – мои друзья? А радостный и беспечный май, то игривый, то задумчиво меланхоличный, с дивным взором наивных, голубых глаз ребёнка свято верующего во исполнение всех своих сокровенных мечтаний; май, месяц светлых надежд, разве не он сказал мне: «Садись и пиши!»?

Слушая складные, хоть и туманные речи попутчика, я потянулся к висевшей куртке и достал из кармана пачку сигарет.

– Дайте, дайте-ка её мне! – Николай Иванович нежданно забрал пачку у меня из рук. Нарочито тщательно он с раздумчивой улыбкой несколько раз пересчитал сигареты. – Так, так... семь pitillos? Если до восхода солнца выкурю их вместо вас и ради вас, то, можете не сомневаться – вы навсегда забудете эту способную погубить прихоть. Желаете пари? Ваша ставка? Договорились? Вот и славно! Но, однако, мы отвлеклись от главного и, если позволите, Саша, я продолжу.

Глава пятая

СЕНЕКА

Мучительно жгучий и яркий свет ударил в глаза.

– Сенека приветствует тебя, благородный юноша! Откуда ты? Кто ты? Посланец богов? Нет, вижу ты удивлен не менее моего.

Болезненно морщась, я стоял, ошеломлённо разглядывая стоящего передо мной в светлой тунике пожилого человека.

– Что же молчишь? Как имя твоё? – спросил тот, стараясь казаться спокойным

– Николай.

Мне никак не удавалось сосредоточиться оттого, что в голове неотступно и громко звучала монотонная мелодия флейты пастушка. Но именно она успокаивала меня, придавая оттенок скучной обыденности невероятному происходящему.

– Где я?

– Ты в усадьбе Луция Аннея Сенеки, римского всадника. А вон там, – незнакомец показал на виднеющиеся вдали на холмах строения, – хранимый перстами судьбы Рим.

– Неужели вы тот самый Сенека, что написал «Нравственные письма Луцилию»?

– Тот, не сомневайся и великий Нерон наш император.

– Не везло вам с императорами.

– Ты знаешь?

– Да, изучал историю Древнего Рима в университете.

– Древнего?

– Ну, да, ведь Сенека жил 20 веков тому назад.

– Жил... вот как...

Что-то случилось с ним. Он переменился в лице – от растерянности не осталось и следа:

– Всё же боги послали тебя ко мне. Две тысячи лет... И ты знаешь каков мой последний день? Нет, не говори. Чтобы ни произошло, не обрадую недруга печальным и хмурым лицом и не стану уже сегодня мучаться от предстоящего завтра. Дурная привычка засылать свои помыслы далеко вперед. Так предвиденье, величайшее из данных человеку благ, оборачивается во зло... Но прости, Николай, что же, что же мы стоим? Смею ли назвать тебя своим гостем, почтенный? Корнелия, – окликнул он женщину, которая стояла поодаль и с интересом разглядывала меня, – прикажи Гектору готовить угощение. Да пусть не забудет фрукты и холодный мультсум.

– Предчувствую ты исчезнешь столь же внезапно, как и появился. Будь великодушен, поговори со мной!

Он жестом пригласил следовать за ним.

– Этот медлительный смертный век – только пролог к лучшей и долгой жизни... За весь срок, что простирается от младенчества до старости, мы зреем для нового рождения. Нас ждет новое появление на свет и новый порядок вещей. Поэтому и скажу тебе: привязывайся к самым дорогим и близким не больше, чем чужой человек; уже здесь помышляй о более высоком и величавом.

Шествуя за философом и витая в эмпиреях, я слушал его речь рассеяно, поглядывал вдаль, поверх холмов, приютивших Вечный Город, на чуждое небо в лучезарно-дымчатой синеве, на тревожный разлёт облаков...

Мы остановились под сенью раскидистого платана. Сенека встряхнул плечами отгоняя печаль, затем снял с руки перстень и протянул его мне:

– Прими, будешь помнить гражданина Рима.

Я не посмел отказаться и пока примерял подарок он говорил чуть торопливо, чуть взволнованно то ли мне, то ли себе:

– Жизнь – как пьеса: не важно, длинна ли она, а то, хорошо ли сыграна. К делу не относится, тут ли оборвешь ее или там и как хорошо пройти весь путь жизни раньше смертного часа, а потом безмятежно ждать, пока минует остаток дней, ничего для себя не желая, ибо ты достиг блаженства и жизнь твоя не станет блаженнее, если продлится еще.

Перстень оказался в самый раз, плотно сел на палец и уже не хотел сниматься.

– Что молодым, до стариковских ворчаний. Прости мне надоедливые сентенции и расскажи о своем времени. Что-нибудь изменилось за двадцать веков к лучшему? Чем живёте, чем дышите?

Я поблагодарил за подарок и высказал банальное: что, мол, поменялось лишь внешнее, так же ищут счастья, а власть и роскошь по-прежнему для многих главные мерилы успеха.

– Удивительны слова твои. Неужели гордыня, зависть, жадность – дети глупости и скудного ума еще не покинули вас? Неужели все так же заблуждаются люди, когда желают счастливой жизни и принимают средства к ней за нее самое и чем больше стремятся к ней, тем дальше от нее оказываются. Ведь начало и конец блаженства в жизни – безмятежность и непоколебимая уверенность, а люди копят причины для тревог и не то что несут, а волокут свой груз по жизненному пути, полному засад. Так они все дальше уходят от цели.

Флейта в моей голова наконец умолкла. Я спросил:

– К чему же стремиться?

– Счастье... – лукавое слово. Когда-то я писал Луцилию: «Что не желать, что иметь – одно и то же. Все зависит от мнения. Каждый несчастен настолько, насколько полагает себя несчастным, самый счастливый – тот, кому не нужно счастье, самый полновластный – тот, кто властвует собой. Считай себя блаженным тогда, когда среди всего, что люди похищают, стерегут, чего жаждут, ты не найдешь не только, что бы предпочесть, но и чего бы захотеть».

– Тогда скажите и о противоположном. Чего избегать?

– Избегай незнания, как зла... и вот этого, – Сенека напряжённо прислушался и я тоже уловил доносящийся издали резвый цокот копыт. Через пару минут конный отряд из десяти всадников со знаками принадлежности их к преторианской гвардии шумно ворвался во двор усадьбы. Трое из них спешили и подошли к нам.

– Улыбаешься? – не поприветствовав, нагло и высокомерно начал офицер. – Рад мне?

– Конечно рад, Аврелий. Не имеющий багажа путник поёт даже и повстречав разбойника. Но не мешкай, приступай сразу к делу – привез мне белых грибов от отца Отечества?

Сенека кивнул на мешок, притороченный к седлу одного из жеребцов.

– Собачье красноречие еще не покинуло тебя, ритор. Никак не наговоришься, – ответил Аврелий, – Но все, *acta est fabula* – пьеса сыграна. Сенат высказался, и дело кончено.

– Сенат... осёл трется об осла.

Солдат сзади захохотал.

– Прикрой рот, Лентул! Ты меня сегодня с утра раздражаешь!

Дорогие доспехи с позолотой яростно сверкнули на солнце.

– Не жарко в железе скакать, префект? Опасаешься немощного старца? – усмехнулся Сенека. – Ты бы и пару центурий прихватил.

Преторианец недовольно сдвинул брови:

– Не твое дело, в какой форме и кого назначаю в сопровождение, – позаботься вернее о себе. Наш величайший и всемилостивейший император дарует тебе еще три дня, чтобы достойно уйти. Хочешь публичного позора? Нет? Так почему тянешь? Другого не будет.

– Тебе ли учить о достоинстве, Аврелий? Чин предполагает? Да, сегодня ты на коне, но представь, как слепой случай меняет всё – возможно завтра за твои уроки благочестия не дадут и сестерция!

– Завтра... Завтра и посмотрим, а ты говори, говори – тебе уже ничто не повредит, но вот выслушивать твой бред, философ, у меня нет ни желания, ни времени. У тебя всего-навсего три дня! Максимум! Ты меня услышал!? Три! – внезапно зло выкрикнул последние слова офицер так, что любопытствующая дворовая челядь испуганно прижалась к стенам дома. Его настроение окончательно испортилось. Гвардеец, наконец, обратил внимание и на меня. От тяжёлого взгляда у меня едва не дрогнули коленки.

– Это кто? Как странно одет, – спросил он Сенеку, но тот не ответил. – Молчишь. Хорошо, дай сам угадаю – твой раб, банщик? О, да у него на пальце твой перстень! За какие заслуги награда? Неужто перед нашими очами твой любимый юноша? Ты ещё можешь, старик?

Солдаты понимающе заухмылялись.

– Назови своё имя? – подступил он ко мне. – Твоя рожа мне кажется знакомой. Не из людей ли ты нечестивого Пизона? Не соизволишь говорить? Желанна участь Эпихариды? Так... тогда поедешь с нами, дознаватель скоро развяжет тебе язык!

– Не трожь его, Аврелий! Это мой гость, – Сенека встал между мной и префектом. – Клянусь всеми богами – он не имеет отношения к заговорщикам! Прошу тебя...

– Отойди в сторону, – префект бесцеремонно оттолкнул старика и указал на меня солдату. – Марк, свяжи его.

«Как связать? Ведь тот, с флейтой пообещал, что дорога домой свободна» – я попятился, оглядываясь на двери дома инстинктивно чувствуя за ними свое спасение. Но солдат преудгадал намерение и с руганью кинулся ко мне. Он догнал меня на ступеньках дома. От удара кулаком в спину я потерял равновесие и со всего маху ткнулся лбом в мраморную колонну.

Прохлада кафельной плитки помогла очнуться. Ни Рима, ни преторианцев, ни философа в светлой тунике – тягостная музейная тишина и картины вокруг. Кружилась и разламывалась от тупой боли голова, слегка подташнивало. Я поднялся с пола и вопреки слабости в ногах, немедленно ни секунды, под подозрительными взглядами пенсионерок смотрительниц заторопился к выходу из музея, лишь в вестибюле остановился у огромного зеркала, чтобы привести себя в порядок. И что же – с той стороны на меня смотрел довольно испуганный, молодой парень с беспокойно бегающим взглядом, взъерошенной причёской, огромной ссадиной на лбу. Я поднес ладонь к лицу смахнуть запёкшуюся кровь и замер, пораженный увиденным – на среднем пальце левой руки, на массивном перстне два серебряных льва цепко держали в лапах пронзительно красный рубин в оправе из золотых листьев лавра.

Глава шестая

ПРОБУЖДЕНИЕ

С глубоким вздохом облегчения, хромым лисом, едва не затравленным сворой гончих и благою волею судьбы оторвавшимся от погони, я без оглядки покинул художественный музей, неведомо зачем вернулся к кафе, с которого и началась эта, только что не лишившая меня рассудка вереница событий; покрутился на смотровой площадке у самолётника Нестерова, тщетно пытаюсь обдумать произошедшее, привести в порядок скачущие мысли и, немного погодя, медленно побрел вдоль чугунного ажюра перил Верхне-Волжской набережной к площади Минина. Там сел в автобус и через полчаса стоял на лестничной площадке дома №16, перед дверью своей квартиры... и перед своей соседкой.

Клавдия Антоновна Кашина держала на поводке свою постоянную спутницу и любимицу и, как обычно, была не в духе. Муська тоже была не в настроении и с лаем кинулась мне под ноги, делая вид, что собирается в клочья изорвать джинсы. Желание двинуть гнусной дворняге под бок я еле сдержал, поскольку и сам находился в плачевном состоянии, на грани нервного срыва.

– Антоновна, будь добра, заткни пасть своей шавке!

– Муська? Шавка? Хамло молодое! – возмутилась соседка.

– Так сразу и хамло? Опять набралась с утра пораньше, уважаемая?

– Набралась? Ты к чему это белебенишь, недоросль? Как с пожилой женщиной разговариваешь? Мало уж тебе по башке-то настучали.

Не имело смысла выяснять отношения с одинокой пенсионеркой – звездой местного эпатажа и непревзойдённой сочинительницей скандальных либретто, но сойти со сцены не успел – от её громкого драматического сопрано дверь напротив распахнулась и на подмостках появились супруги: Ева и Жорж Бадаевы – давние оппоненты Антоновны.

– Слушай, Клавка, долго твоя дрянь блохастая будет гадить здесь по углам?

Ева сморщила носик.

– Ага, – застёгивая молнию на шортах, поддержал жену Жорж.

Антоновна изумлённо всплеснула руками: – Ой-ёй, – и аж присела в почтительном реверансе, – какие люди! Здравсьте! Посмотрите-ка, повылазили: Ева-королева и шныра захапистый, гофмаршал в трусах. Честно работать для Родины скоро начнёшь, а, бугай королюбий? – зацепила она Бадаева.

– Корова толстая! – оскалился тот. – Договоришься, отшибут тебе рога!

– Я корова!? На свою рохлю глянь! И не пугай, пуганная, не таких быков видала.

– Во, тут не сомневаюсь – перевидала, шлэндра копеечная.

Жорж презрительно сплюнул.

– Чего?! – возвысила голос Антоновна и недобро сощурилась, прицеливаясь. – И чего ж ты, курошуп, видал? А видал ли, как пока сам по Турциям рысачишь да брюхом трясешь, твоя-то волочайка к Толику с шестого этажа похаживает?

– Брехливая сучка! – взвизгнула Бадаева и отчаянно покраснела.

– Проститутка!

– Ты... ты возьми свои слова обратно! – охнул Жорж.

– Как же, щас и возьму, мордень небритая!

Опасная, грозовая туча нависла над нами. Жорж Бадаев угрожающе засопел и сжал кулаки. По счастью, долгий обмен мнениями не входил в планы Кашиной. Она протаранила нас, как ледокол, одарив попутно ароматами: Жигулёвского пива и дешевых духов, – грубо поддела Еву локтем и, страстно шепнув ей на ушко: «Раскорячилась посередеь дороги, шалава!» –

стала стремительно спускаться по лестнице. Собачонка слегка замешкалась на площадке. Антоновна в сердцах рванула за поводок и та, кубарем перелетев через ступеньки сильно ударилась о железную стойку перил. Подъезд наполнился противным верещанием дворняги. Соседка проворно подхватила любимицу на руки, горячо целуя в несчастную мордочку.

– Ай, моя маленькая! Мусенька, родненькая, тебе больно? – запричитала она и я увидел слезы в её неожиданно беспомощных и растерянных глазах.

Ева довольно хмыкнула сверху.

– Что, ржёте!?! – Клавдия Антоновна прижала собаку к груди и метнула в нас полный жгучей ненависти взгляд. – Пошли в задницу, скоты, твари бездушные!

«Уроды, какие ж они уроды, Муся...» – еще долго слышалось снизу пока не гроыхнула входная дверь подъезда.

Безобразный эпизод окончательно лишил меня сил. Я зашел в квартиру, достал из бара бутылку водки, до краёв налил стакан, залпом выпил и без чувств повалился на диван.

Летняя полутьма плавно опустились на город. Рабочие сцены уже сменили декорации. Как вчера... – электрические огни вонзились в густое, тёмное индиго небес, на улицах засверкала рекламная мишура и фары дорогих авто, подруливающих к ресторанам. Ночные клубы, подобные гигантским пылесосам, потянули к себе нарядную молодежь, оживилась чудаковатая богема да рискованные обитатели темных переулков и задних дворов вышли на поиски приключений... – всё как вчера; меня же разбудил грохот мебели, опять переставляемой жильцами сверху. С тяжёлой головой я встал и включил настольную лампу.

На письменном столе ещё со вчерашнего дня лежало разобранное и приготовленное для смазки ружьё. Иж-27Е – мой безотказный друг в романтических охотничьих странствиях по просторам Заволжья, глухим Керженским лесам – полям и весям Нижегородского края. Приклад и цевьё облагороженные резьбой по тёмному ореху, именная гравировка с инкрустацией на колодке. Стальное предвкушение курков, красивый блеск металла... и несмыываемый след безысходности от последнего, предсмертного взора загнанного зверя в леденящую бездну стволов.

И вспомнилось мне...

Вспомнилась первая охота с отцовской одностволкой, первый охотничий трофей – сойка, падающая вниз с вершины ели медленно, с ветки на ветку, вместе с посеченной дробью хвоей, последний раз встрепенувшуюся в агонии и затихшую в моих радостно возбужденных руках.

Вспомнился зимний день, белый снег в крови, всхлипывающее дыхание и глаза скорчившегося, раненного лисенка, когда я шел добивать его.

Я подходил, а он уже не мог и пошевелиться.

Как тоскливо всматривались его глазенки в стволы.

Но разве в стволы смотрели они в последней надежде?

Они смотрели мне в душу.

Они искали мое сердце!

Но где же было ты – мое сердце?

Где?!

Свет настольной лампы качнулся и потускнел. Дикие, угрюмые силуэты волчьей стаей возникли подле стола. Стихли звуки и в удручающем безмолвии мне почудилось, что в доме напротив, у раскрытого окна горько плачет ребенок по ушедшей маме.

Я опустил на пол от судорожных рыданий. Ничего подобного не случалось раньше. Обескураженные удовольствия, исполненные неизбывной красоты приметы родной стороны, заторопились успокаивая, суматошно забегали, выстраиваясь в парадные шеренги передо мной:

танцы токующих турухтанов, чибисов крики,
пылающие закаты да пересвисты вальдшнепов,
пожары кипрея и синие головки аристократов ирисов
в сопровождении простодушного разнотравья,
студёные росы охотничьих рассветов, туманы,
шум крыльев утиных над старицей,
вкус смородинового чая с дымом костра,
ночёвки в стогах душистого, свежего сена...

– и мой новенький ягдташ, только что купленный в магазине, еще пахнувший фирменной краской, полный убитой без нужды, просто так, ради забавы дичи – апофеоз полевой потехи. Вся та, казалось, донине незыблемая часть торжествующей громады, поэзия, всё это ликование сверкающего фантома некогда радостных воспоминаний разом поблекло, покрывшись перемазанными кровью перьями и скалясь желтыми клыками химеры навалилось невыносимым грузом осознания его праздной заурядности. Мысли спутались, бестолково заматались в поисках спасения свинцовыми рыбами, пойманными в сеть, и бились долго... пока из темных глубин бессознательного не пришло усталое и в слезах, забытьё тяжелого сна.

Чуть свет я был на ногах, упаковал ружьё, патроны и, взяв такси, помчался на речной вокзал. Как только невыносимо медленный, прогулочный пароходик развернувшись вальяжно вырулил на середину Волги, я швырнул сверток за борт и, едва успокоилось дыхание, едва разошлись последние круги на воде, мрачной тенью нечто липнущее, мерзкое и недовольное покинуло меня.

– Чо, браток, Муму потопил? – полюбопытствовал палубный зевака, но заглянув в мое лицо поспешил отвернулся.

Не воскресить подробностей пролетевшего дня. Уже поздним, душным вечером, отрешённый и совершенно пустой стоял я у окна спальни комнаты с детским наслаждением вжимаясь ладонями и лицом в прохладу стекла, как вдруг краткое касание неизъяснимой любви благовестной волной всколыхнуло грудь, властно заставило поднять вверх взгляд... и увидел я, что с восточной стороны, в черном, теплом бархате июльских сумерек, усыпанном бриллиантами звезд, летел к Земле Светлый Ангел, бережно неся в руках туманный кокон человеческой души.

Торжественно, приходя ниоткуда и уходя в никуда, время струилось золотым песком над моим письменным столом, над зовущими, пока ещё девственно чистыми листами бумаги.

И был короток вечер, и была длинна ночь, и лампа под зелёным китайским абажуром горела до рассвета.

Глава седьмая

ГОРНЫЙ ХРУСТАЛЬ

Вы догадываетесь, Саша, подобные потрясения не проходят бесследно для здоровья. Из-за постоянных головных болей я оказался на лечении в палате номер семь центральной городской больницы. Утренняя суматоха обходов, процедуры, мелькание белых халатов, неистребимый дух борща и котлет в столовой, послеобеденная зевота – эта обычная госпитальная маета могла, промелькнув серым эпизодом, навсегда кануть в лету, если бы не молодая красавица доктор, рядом с которой мужики из нашей палаты начинали часто моргать, глупо скалиться, неся комплиментарную чушь. Я тоже не мог отвести глаз от неё и украдкой, как школьник, впервые взятый в плен грацией одноклассницы, с потаённым восхищением следил за каждым её движением.

Но, как бы там ни было, дела складывались благоприятно, срок лечения завершился и особого желания скучать, отбывая его до конца, без толку слоняясь по нудным коридорам, не имелось. С целью разрешить эту проблему я и заглянул в ординаторскую, к своему лечащему врачу.

Дверь кабинета оказалась приоткрытой, поэтому я вошел почти неслышно. Темные волосы, аккуратно зачесанные назад и стянутые в пучок строгим бантом, черные брови, тонкая линия алых губ – она сидела за столом, перелистывая документы и мне показалось тогда вместе с необъяснимой и беспричинно вспыхнувшей ревностью, что зеленеющий клён со двора, склоняясь ветвями к стеклу, не в меру беззастенчиво любит её.

Собрался начать разговор с привычного «добрый день» и не успел – случилось непредсказуемое! Наверно, это произнёс я, но скорее незримый Ангел, тихо стоящий у ее стола, громко и театрально продекламировал моим голосом:

*И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.¹*

Я оторопел от неожиданности. Она подняла на меня удивлённый взгляд... и улыбнулась...

Боже! Помоги найти слова, чтобы рассказать о сиянии ее глаз, улыбке, райской птицей влетевшей в сердце! В гроздьях иранской сирени, буйно распустившейся весной, в благоухании цветов белого жасмина или среди отрады прозрачно-чистых вод чудотворного источника – где отыскать то, с чем можно сравнить несравненное?

– Вы ко мне? Что вы хотели? – прервала она затянувшееся молчание.

– У меня не сложный вопрос, хочу выписаться из вашего учреждения на денек раньше, сегодня.

– Нет, только завтра, не в моих правилах нарушать сроки.

– Наслышан о вашей легендарной пунктуальности.

– Да, я знаю – я вредная, – и, хотя улыбка опять коснулась ее губ, она всматривалась в меня с напряжённым вниманием.

¹ А. Блок

– Разве? Не может быть, вы, наверняка, наговариваете на себя, – сказал я, гадая о причинах этого интереса. – Вы простите мой второй вопрос – он, конечно, не к месту, но мне постоянно кажется, да я просто убежден – мы с вами встречались раньше. Но где?

Она пожала плечами.

– Так что же с моей просьбой, доктор?

– О, думаете прочитали стихи и теперь можно требовать от меня все что угодно?

Мой всегдашний дар убеждения в этот раз не выручил меня. Я ушёл от неё в полнейшем недоумении, так ни о чём и не договорившись.

Седьмая палата давным-давно спала. Таинственный свет Луны осторожно пробирался сквозь вуаль неплотно прикрытых штор. Близилась полночь. Невнятные предвестия и знаки смущали меня. Я не мог сомкнуть глаз, в навязчивом ожидании откровения сидел на больничной койке.

Виделось мне синее озеро Дал. Стаи неутомонных птиц над ним. Заросли божественного лотоса. Ломкая игра отражений лодки шикары разрезающей носом водную гладь и в рассветном багрянце горные цепи хребта Пир Панджал севернее древнего Шринагара на окраине которого, в маленьком домике, но в большой и дружной семье, я и родился в 952 году от Р. Х.

Отец мой занимался строительством, да и почти весь мой род были строителями, зодчими, резчиками по камню – мастерами известными далеко за пределами родного края и просто достойными людьми. Конечно, я тоже стал строителем и прекрасным камнерезом, колеся по стране вместе с мастерами в поисках своего дела и хорошего заработка. И вот, когда мне исполнилось 20 лет судьба увела меня далеко от дома, на самый юг Индии. Там, в княжестве близ Мадурая я подрядился к местному радже и выполнял изысканные резные украшения в беседке, которую он строил для младшей и самой любимой дочери.

Не иначе, боги выбирали ей имя.

Джая! О, эта безумно гордая и горячая кровь древнего рода магараджей! Сколько раз, лишая рассудка, в лучах невыразимого очарования проходила она мимо, даже не повернув головы в мою сторону. Слышались мелодичные перезвоны ее браслетов, шелест шелков сари и летел за ней вслед облачный шлейф моих неуёмных стремлений, будто сотканный лотосовой Падмаприей из нежнейших лепестков магнолий и белых роз. Лишь однажды соприкоснулись наши взгляды и меня не стало. Жар девичьих очей выжег мне сердце дотла и пеплом рассыпалось моё имя.

Мы с Джаей принадлежали разным варнам, и раджа разрубил бы меня на куски и скормил шакалам за одни только мысли о ней. Но безумец готовый ко всему – я тайно встретил её и наедине, без надежд признался в любви.

– Если не с тобой, то зачем жить! – ответила она.

Мы бежали следующей же ночью. Виджей и Ранджит – два лучших скакуна из конюшни раджи летели быстрее ветра. Охрана запоздала броситься вдогонку – на просторах Индостана потерялись следы отчаянных беглецов.

До Шринагара добрались только через полгода. Да простят нас великие боги, я нарушил закон и обманул родителей, придумав для любимой нескладную историю, но разве иначе я увидел бы Джаю в обворожительных, расшитых золотыми и серебряными нитями красных одеждах моей невесты?

В повседневных заботах летели счастливые дни, месяцы. Как нравилось нам изредка забираться на холм Шанкары, с его высоты восхищаться видами города, синего озера Дал, уединяться, заплывая на лодке в тихие заводи и среди всплесков рыб, в дружеском окружении беспрестанно нашептывающего тростника мечтать... Я ласково называл её Горный Хрусталь.

Но обманчивы качели удачи. Когда я находился далеко на заработках, пришла весть – кочевники разорили наш дом и увели Джаю с собой.

Собирался я недолго. Занял денег у родни и с торговыми караванами, воинскими разъездами, а чаще пешком уходил все дальше и дальше на запад по следу кочевников. Но разве я знал, что такое горы? Это случилось не перевале Сугет, который я торопился преодолеть с кампанией подозрительных контрабандистов. Погода на перевале не задалась с самого начала пути, а к середине маршрута дела стали совсем плохи. Вторые сутки завывала пурга, несколько выючных лошадей потерялись в снежной мгле или сорвались в пропасть, мучила стужа, но хуже всего было то, что я сильно вывихнул ногу и не мог идти. Меня кое-как усадили на одну из нагруженных лошадок. Я понимал, как нелегко ей двигаться со мной, замечал и как недобро сверкали глаза проводника, когда он изредка поглядывал на меня. Мы медленно плелись в хвосте каравана и остановились у огромного, устрашающего вида аспидного валуна, как я тогда подумал – передохнуть. Попутчик мой сделал знак наклонится пониже, наверное, что-то сказать, но вместо слов он крепко ухватил меня за плечи, рывком сдернул со спины лошади и, швырнув в снег, скрылся с лошадкой за поворотом у скалы.

Я пополз по следу, стал кричать и звать людей не веря произошедшему, оборвал ногти на пальцах, а когда окровавленные, оковеневшие руки отказались слушаться, как безумный в иступлении грыз лёд и слезы отчаяния и тоски замерзали на моих щеках. Лютая стужа болью раздирала тело. Тогда ледяной ветер с вершин сжалился надо мной, обнял, как друга, и ушла боль, стало тепло... В бреду истомной неги вспыхнули ярким светом кристаллы горного хрусталя и погасли. И услышал я как бы шум крыльев многих. Они приблизились ко мне, намереваясь подхватить, поднять и унести в немыслимую даль от Земли.

– Прочь! – я рванулся из последних сил и чуть не свалился с кровати в напрасном испуге, да ведь меня тогда же подобрал и спас идущий встречным курсом караван! Что это я? Спокойная Луна – Царица ночи удивлённо дрогнула в поднебесье. Ошеломляющая реальность картин потрясла меня. Таких снов не бывает! Но, главное, поверите ли вы, Саша, самое главное – в моём докторе я узнал ту Джаю из мистически правдоподобного полуночного видения. «Ты нашёл её!» – крутанулось в голове и я чуть не рассмеялся от подобной мысли.

Настал день выписки из клиники. С роскошной красной грандессой, купленной в салоне «Империя флоры», я шёл попрощаться с ней. Мы едва не столкнулись на пороге кабинета. Она лишь скользнула взором по мне, но, нет, я не ошибся – я увидел, как её глаза стали темнее самой беспроглядной ночи от неведомой мне печали и переполнившей её глубоко затаённой обиды. Я неловко протянул ей розу и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.